

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ РАСПОРЯЖЕНИЯ ФЕОДАЛЬНЫМИ ЗЕМЕЛЬНЫМИ ВЛАДЕНИЯМИ В ВЕЛИКОМ КНЯЖЕСТВЕ ЛИТОВСКОМ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVI ВЕКА

*И.Г. ЯЦКЕВИЧ, кандидат исторических наук, доцент кафедры гражданского
и государственного права Минского института управления*

В статье рассматривается происхождение и применение на практике нормы законодательства ВКЛ, разрешавшей шляхте свободно распоряжаться только 1/3 частью земельных владений (Статут ВКЛ 1529 года, раздел I, ст. 15). На основании анализа актовых материалов Литовской метрики автор обосновывает вывод о законодательном закреплении данной нормы отдельной уставой вального сойма еще до введения в действие Статута ВКЛ 1529 года. Исследуются вопросы о времени появления устава сойма, участии шляхты и панов рады в ее разработке и утверждении, значении данного закона для развития феодального землевладения. Выявляется связь между содержанием устава и судебной практикой суда великого князя и панов-рады. На основании этой практики, по мнению автора, возникла окончательная редакция закона, объединившая нормы, которые в последующем были изложены в статьях 15 и 16 раздела I Статута ВКЛ 1529 года.

Предметом исследования является происхождение, применение в гражданском обороте и значение для феодального права Великого княжества Литовского (ВКЛ) нормы статьи 15 раздела I Статута ВКЛ 1529 года. В данной статье закреплялось право феодалов свободно распоряжаться только 1/3 частью своего земельного владения. Указанной нормой регулировались сделки с недвижимостью на протяжении достаточно длительного исторического периода. Ограничения были отменены лишь в 1566 году решением Брестского сойма. Соответствующая норма, узаконившая свободное распоряжение феодальными владениями, была включена в статью 1 раздела VII Статута ВКЛ 1566 года.

Несмотря на то, что введение в действие указанной нормы оказало серьезное влияние на все правоотношения, связанные с оборотом феодальных земельных владений в ВКЛ, исследователи, на наш взгляд, уделяли недостаточно внимания проблеме происхождения этой нормы и ее реализации в процессе правоприменения. Отдельные научные исследования по данной проблеме не проводились. Поэтому, на наш взгляд, она требует дальнейшего изучения.

В настоящей статье автор поставил перед собой задачу ответить на ряд вопросов. Когда, кем и при каких обстоятельствах была установлена

норма, закрепленная статьей 15 (для удобства изложения материала в дальнейшем будем обозначать ее как «правило 1/3»)? Как повлияли на содержание данной нормы обычаи, судебная практика, законотворчество органов власти? И, наконец, какое значение она имела для развития феодального землевладения?

Основным источником, позволяющим получить ответы на поставленные вопросы, являются актовые материалы книг Литовской метрики – архива великокняжеской канцелярии.

Интересный по своему содержанию документ содержится в книге записей №10 Литовской метрики. В свое время, в начале XX века, данный документ был введен в научный оборот И.А. Малиновским, который поместил его в сборнике материалов, отражающих деятельность рады ВКЛ [1, с.310]. С тех пор ученые, на наш взгляд, не использовали в полном объеме информационный потенциал указанного документа.

Речь идет о «оповедании» («упоминанье»), т.е. напоминании, зафиксированном по приказу великого князя в великокняжеской канцелярии в 1520 году на основании иска («челомбития») воеводи-ча полоцкого Николая Станиславовича Глебовича. Документы подобного рода составлялись и вписывались в книги Метрики, как правило,

* Статья поступила в редакцию 6 февраля 2008 года.

в том случае, если князь в силу определенных обстоятельств не имел возможности рассмотреть дело просителя в ближайшее время, но намеревался это сделать в будущем. В своем иске Глебович указал, что его мать записала более третьей части своих имений не родственникам («в обчие руки»), игнорируя права своих сыновей и дочерей. Глебович при этом просил князя запретить матери отчуждать имущество свыше 1/3 части. Основанием иска стали ранее принятые законы: *«ино как будучи нам у в отчизне нашей Великом Князстве Литовском на многих соимех вальных так есмо ухвалили с Паны Радами нашими, ижъ вышей трете части не мает никто от ближних своих никому записати»* [2, с.83].

Проанализируем содержание вышеприведенного фрагмента.

Какую смысловую нагрузку несет в данном документе слово «записати»? Следует подчеркнуть, что термин «записати» чаще всего использовался в частных актах и в законодательстве ВКЛ для обозначения завещательного распоряжения. Но известно также использование данного термина и при заключении договора дарения, купли-продажи, других договоров. Поэтому полагаем, что в данном случае допустимо именно широкое толкование термина «записати». Речь идет не только о запрете на завещание не родственникам свыше 1/3 имущества, но и об ограничении отчуждения имущества «от ближних своих» посредством как возмездных, так и безвозмездных сделок.

Из содержания рассматриваемого документа следует, что решение о введении соответствующих ограничений было принято великим князем с панам радой коллегиально на вальных соймах. Но не вполне ясно, участвовали ли в выработке и принятии решения простые шляхтичи?

В середине или второй половине XVI века любой сойм, именуемый «вальным», обязательно предполагал не только участие шляхты, но и ее активную, а затем – и ведущую роль. Иначе складывались обстоятельства в начале XVI века. И.А. Малиновский отмечал, что соймом (сеймом) тогда назывались собрания панов-рад. В то же время «великие» или «вальные» соймы, по справедливому замечанию исследователя были ничем иным, как более многочисленными, чем обычно, собраниями панов-рад [3, с.107]. Практика приглашения шляхты на сейм в начале XVI века только зарождалась. В отличие от И.А. Малиновского, М.К. Любавский полагал возможным говорить о привлечении шляхты на заседания сойма еще во второй половине XV века, но также признавал, что первоначально сойм представлял собой собрание князей и панов [4, с.36].

Таким образом, упоминание в исследуемом нами тексте вальных соймов еще не доказывает участие шляхты в принятии решения. Для этого

требуются дополнительные сведения, которые были нами обнаружены в актах Литовской метрики.

В августе 1522 года великий князь с панам радой рассмотрел иск великокняжеских дворян Николая и Яна Гомшеевичей к князю Павлу Гольшанскому, епископу луцкому и брестскому. Истцы утверждали, что ответчик держит «не ведаем которим обычаем» земли умершего пана Юрия Ставского, на которые они претендуют по праву родства. Ответчик пояснил, что данные земли покойный «отписал на церковь Божию», что было подтверждено королевским привилеем. В ответ Гомшеевичи заявили, что великий князь *«первей сего с паны радами нашими и со всеми землями, потданными нашими Великого князства Литовского, то установили и уфалили на валных соймех, иж никто не мает вышей трете части имений от ближних записывати»* [5, с.47–48].

В приведенном документе говорится о присутствии на сойме не только великого князя и панов, но и «всех земель». Отметим, что если в источниках содержится указание на принятие решения «всей землей», то это традиционно рассматривается учеными как доказательство участия в деятельности сойма не только панов, но и шляхты. Несмотря на определенного рода сомнения, полагаем, что в рассматриваемом случае речь идет именно о соймах как собраниях великого князя и рады с участием бояр-шляхты.

Как следует понимать информацию о том, что соответствующие решения были приняты на «многих соймех вальных», а не на одном сойме? На наш взгляд, данную информацию можно истолковать в том смысле, что введение «правила 1/3» могло явиться следствием неоднократного рассмотрения в великокняжеском суде ряда имущественных споров шляхты. Ранее отмечалось, что вальным (великим) соймом изначально назывались наиболее представительные собрания панов-рады, в том числе собрания, где они совместно с великим князем или самостоятельно по его поручению рассматривали разного рода судебные дела. Чаще всего они касались права панов и бояр-шляхты на земельные владения. На основании материалов конкретных дел могла быть принята отдельная сеймовая устава («уфала»), т.е. закон, закрепивший определенный порядок распоряжения землей. Если это так, то под «многими соймами вальными» следует в первую очередь понимать судебные собрания великого князя и панов-рады. Затем решение, принятое на соймах панов-рады, было рассмотрено и подтверждено на вальном сойме с участием шляхты. Возможно, таких соймов «со всеми землями» тоже было несколько, хотя, это менее вероятно.

Предположение о наличии прямой связи между принятием закона и судебной практикой

господарского суда можно аргументировать, основываясь на материалах Литовской метрики. Так, в 1514 году великий князь в присутствии панов рады рассмотрел иск пани Альжбеты Радзивилл. Истица сообщала, что боярин Богдан Рачкович записал свое имение ее отцу, покойному воеводе троцкому Богдану Андреевичу. Затем боярин составил новый «запис», которым передал 1/3 часть имения ее матери, пани Богдановой, и ей же заложил оставшиеся 2/3 части за 300 коп грошей. Пани Альжбета, представив соответствующие записи через своего представителя пана Андрея Точинского, просила великого князя оставить ей имения. Ответчик по иску пан Мордас Мишкович, брат Богдана Рачковича, оспаривал юридическую силу представленных истицей документов. Он утверждал, что записи были сделаны братом, когда он жил с первой женой в бездетном браке. В последующем, втором браке у него родился сын, т.е. появился законный наследник, который, правда, через некоторое время умер. Ответчик, таким образом, считал неправомерным отчуждение 1/3 недвижимого имущества при наличии законного наследника по прямой нисходящей линии, а также родственников по боковой линии.

Интересно по своему содержанию вынесенное судебное решение. Прочитав его полностью: *«Мы, их с obu сторон выслушавши, отложили то до сойму великого до тое причины, иж записана третя часть вечно, а две части в пенезех; маем то с паны и со всею землею обмовлити, котрым обычаем то встановити, как бы и на потом по тому ж была сужоно»* [1, с.304].

Задумается, что вынудило великого князя и панов отложить принятие решения?

С одной стороны, это объясняется нестандартностью ситуации, отсутствием четких норм, на основании которых можно было бы разрешить спор. Полагаем, что невыясненным для судей оставался вопрос об объеме ограничений правомочий собственника в пользу ближайших родственников при распоряжении недвижимым имуществом. По-видимому, сомнение судей вызвало то обстоятельство, что спорное земельное владение полностью перешло в руки не родственников путем единовременного отчуждения 1/3 его части и залога оставшихся 2/3 земли. Возможно, также неоднозначную реакцию судей вызвал факт отчуждения земли в обход интересов прямого наследника.

С другой стороны, великий князь и паны сознательно не торопились принять решение, имея в виду значимость прецедента для всего комплекса имущественных прав феодалов на землю. По мнению судей, только более представительный по своему составу сойм был вправе законодательно закрепить нормы, на основании которых должны рассматриваться подобного рода дела.

К сожалению, нам пока не удалось обнаружить окончательного решения по делу. Не сохранился и текст устава сойма по данному вопросу. Однако, на наш взгляд, не стоит сомневаться в том, что такой закон был принят и его нормы легли в основу статей раздела I Статута 1529 года. На основании такого закона, задолго до введения в действие Статута ВКЛ, «правилом 1/3» стали руководствоваться при рассмотрении дел в судах, признавая недействительными сделки, заключенные с его нарушением.

Показательно решение, принятое великим князем совместно с панами-радой в ноябре 1522 года по иску князей Сонкгушковичей к пану Венцлаву Станиславовичу Костевичу. Князья требовали от Костевича отдать им имения Грушовое и Черевачи, которые оставались во владении ответчика после смерти его супруги Анны – сестры вышеуказанных князей. Истцы утверждали, что, так как у супругов не было детей, то имения Анны «по праву близости» должны были перейти в держание не пану Костевичу, а им как ближайшим родственникам своей сестры. Костевич на суде заявил, что мать Анны княгиня Семеновая Ульяна записала ей на этих двух имениях венею в размере 1000 коп грошей. Анна в свою очередь записала эти имения ему «у вене своем», а затем записала ему их «на вечность». Господарь и паны радные, рассмотрев дело, приняли решение передать спорные земли истцам, обосновывая это тем, что пани Анна поступила «не водле уставы и вхвалы земьское». Нарушение, по мнению судей, заключалось в том, что пани «тое все имение вышеи третее части ему отписала, отдалившии близкиих своих» [6, с.124, 140].

В вышеприведенном судебном разбирательстве обращает на себя внимание заявление суда о нарушении ответчицей «уставы и вхвалы земьской». Так в ВКЛ, как правило, назывались решения сойма. Это еще раз доказывает вывод о существовании отдельного закона, принятого соймом по данному вопросу.

Однако остается открытым вопрос о том, когда, на каком сойме был принят такой закон? Единого мнения насчет времени появления указанной нормы среди ученых нет. Так, известный польский историк права Ю. Бардах ссылается в своем исследовании на материалы судебного дела 1496 года. В мотивировочной части судебного решения великокняжеского суда, признавшего недействительной сделку по отчуждению земли, говорилось о праве отчуждателя распоряжаться только третьей частью своего владения [7, с.75]. Вряд ли на основании этих сведений можно доказать, что уже в XV веке были законодательно оформлены соответствующие ограничения. Эти данные, по нашему мнению, могут свидетельствовать о другом, не менее важном обстоятельстве – существовали обычаи, явившиеся основой

для принятого позже закона. Такое предположение вполне допустимо, так как одной из характерных черт обычного права являлось ограничение имущественных прав индивидуума в пользу коллектива (семьи, рода, общины).

Т.И. Довнар считает, что ограничения устанавливались постепенно и были санкционированы в уставе Брестского сойма 1506 года, подлинник которой не сохранился. Последующая судебная практика свидетельствует о том, что судьи непосредственно руководствовались этим законом [7, с.75]. Аргументируя свою точку зрения, Т.И. Довнар ссылается на документ, содержащийся во 2-й Книге судных дел Литовской метрики. В нем отражено принятое в декабре 1506 года решение великокняжеского суда по делу, где стороны спорили о разделе материнского наследства. Истцы обвиняли братьев своих жен в нежелании дать им «ровный дел» в части земельных владений, оставшихся после смерти матери. Ответчики утверждали, что спорные владения не являются материзной, так как сестра матери продала эти владения, как принадлежавшую ей долю, их отцу. Тем не менее, великий князь удовлетворил иск, указав, что «*неслушным обычаем тая тетка их тые именья записала, бо не вольно ни кому от ближних имень записывати, кроме трете части, подлуг уставы прав земских*» [8, ст. 525–526].

Как видим, в документе, на который ссылается Т.И. Довнар, действительно упоминается устава сойма по интересующему нас вопросу. Но данный документ не позволяет утверждать, что закон был принят именно в 1506 году. Тем не менее, полагаем, что точка зрения Т.И. Довнар верная. Рассмотренные нами выше документы по делам Глебовича и Гомшеевичей позволяют утверждать, что закон, закрепивший «правило 1/3», был принят в годы правления Жигимонта I. Это могло произойти не ранее 1506 года, когда великий князь взошел на престол, и не позже 1520–22 годов, когда рассматривались вышеупомянутые судебные дела.

Соглашаясь с Т.И. Довнар в том, что наиболее вероятной датой принятия ухвалы сойма можно считать 1506 год, считаем, что окончательная редакция закона скорее всего появилась после 1514 года, т.е. после рассмотрения в господарском суде иска Альжбеты Радзивилл. Напомним, что в Статуте 1529 года норма статьи 15, допускавшая свободное распоряжение только 1/3 частью земельного владения, дополнялась нормой статьи 16, которая разрешала одновременно закладывать оставшиеся 2/3 земли с сохранением за родственниками права выкупить землю у залогодержателя. Как указывалось ранее, именно такое единовременное совершение двух различных сделок стало предметом судебного разбирательства при рассмотрении дела Альжбеты Радзивилл. На тот момент уже сложилась и, скорее

всего, была узаконена практика отчуждения 1/3 земли, но еще не было четких законодательных предписаний по вопросу о возможности залога оставшейся части земельного владения. Этот пробел был ликвидирован путем издания новой редакции соймовой уставы, на основании которой были составлены статьи 15 и 16 раздела I Статута 1529 года. Таким образом, эти две статьи неразрывно связаны друг с другом и являются составными частями закона, принятого на вальном сойме в период между 1514 и 1522 годами.

Чьи интересы выражал данный закон? На наш взгляд, основным мотивом введения «правила 1/3» было стремление крупных землевладельцев, представителей известных аристократических семей закрепить накопленные на тот момент значительные земельные богатства, предотвратить возможное разорение представителей рода за счет отчуждения земли не родственникам. Решению данной задачи объективно способствовали введенные ограничения.

С законодательной инициативой, скорее всего, выступили великий князь и паны-рада. Можно, конечно, предположить, что инициативу в данном вопросе проявила рядовая шляхта, которую создали на сойм. Однако, это маловероятно. Практика подачи шляхетских петиций и «отказов» господаря на них после «паномы» с панамирадой стала обычной в деятельности соймов несколько позже, в 30–50-е годы XVI века. Тем не менее, шляхта участвовала в принятии соймовой уставы, по-видимому, поддержала ее, что придало решению большую легитимность. Следует подчеркнуть, что основные, принципиальные имущественные интересы шляхты были идентичны интересам панов и связаны со стремлением сохранить и приумножить земельные богатства и иные материальные блага, находящиеся в собственности семьи, рода.

В связи с этим возникает вопрос: следует ли рассматривать «правило 1/3» как серьезное ограничение, препятствующее развитию права частной собственности на землю или, как меру, которая стимулировала дальнейшее развитие феодальной земельной собственности?

Позиции ученых по данному вопросу расходятся.

Так, Т.И. Довнар в своей фундаментальной монографии, посвященной развитию гражданского и уголовного права ВКЛ XV–XVI веков, не акцентирует внимание на позитивных моментах, связанных с введением «правила 1/3». Автор исходит из того, что запрет феодалам свободно отчуждать более 1/3 части принадлежащей им земли свидетельствовал о постепенном ограничении правомочий собственников по распоряжению наследственными владениями [7, с.75].

С.А. Лазутка в своем блестящем комментарии Статута 1529 года, напротив, отмечает, что положения статьи 15 «отражают довольно далеко

продвинувшийся процесс превращения различного рода земельных владений в вотчину и в какой-то мере узаконяет феода» [9, с.322]. Исследователь таким образом воспринимает данную норму скорее не как ограничение, а как дальнейшее развитие института права частной собственности на землю.

На наш взгляд, «правило 1/3» обеспечивало наследуемый характер феодальных земельных владений и создавало дополнительные гарантии имущественных прав феодалов, защищая их семьи и родственников от возможного разорения в результате отчуждения земли. В этом видится юридическая сущность нормы статьи 15 и ее значение.

Данная норма не была серьезным препятствием для распоряжения землей и развития крупного землевладения. Во-первых, установленные ограничения были вполне терпимыми для шляхты. Покупка 1/3 части чужого наследственного владения являлась серьезным приобретением, которое не стоит недооценивать. Анализ актовых материалов показывает, что крупные земельные владения формировались не в последнюю очередь за счет большого числа мелких по своей оценочной стоимости сделок. Во-вторых, как указывалось выше, 2/3 земельного владения разрешалось закладывать. Такая сделка была достаточно выгодной формой, которая «де факто» могла привести к отчуждению земли, не будучи нацеленной на это «де юре».

Если бы «правило 1/3» было очень обременительным и невыгодным для землевладельцев, то они, несомненно, должны были предпринять усилия, направленные на его отмену. Однако в многочисленных петициях («просьбах») шляхты, адресованных великому князю на вальных соймах в 30–50-е годы XVI века, не встречаются требования об отмене данной нормы.

Об отсутствии в правосознании шляхты крайне негативного отношения к данной норме свидетельствуют и обстоятельства, связанные

с ее отменой. В Статуте 1566 года норма статьи 15 первоначально была сохранена. Однако через некоторое время решением вального сойма, состоявшегося в Бресте, она была отменена. Интересна и весьма показательна мотивация такого решения, сохранившаяся в актовых материалах. Принципиальных возражений, связанных с тем, что данное правило нарушало право собственников на свободное распоряжение своим имуществом, участники сойма не высказывали. Главные замечания касались практических затруднений, возникавших при применении нормы статьи 15, например, сложности точного определения 1/3 части имения [4, с.743].

Таким образом, полагаем, что норма статьи 15 была закреплена отдельным законом, принятым на вальном сойме еще до введения в действие Статута ВКЛ 1529 года. Данный закон основывался на материалах судебных дел, рассмотренных великим князем с участием панов-рады, и обычаях, ограничивавших в пользу родственников право собственника распоряжаться землей. Окончательная редакция закона, включавшая наряду с нормой статьи 15 также предписания статьи 16, появилась в период 1514–1522 годы.

По своей юридической сущности «правило 1/3» является не ограничением, а дальнейшим развитием права феодальной собственности на землю. Оно создавало дополнительные гарантии имущественных прав феодалов, защищая их семьи и родственников от возможного разорения в результате отчуждения земли. В этом смысле закон в равной степени отражал интересы как крупных, так и мелких собственников.

С законодательной инициативой, скорее всего, выступили паны-рада, а не шляхта. Известные аристократические семейства были более чем другие, заинтересованы в сохранении и приумножении накопленных ими на тот момент земельных богатств и использовали с этой целью данный закон.

ЛИТЕРАТУРА

1. Малиновский, И.А. Сборник материалов, относящихся к истории панов-рады Великого Княжества Литовского / И.А. Малиновский. – Томск, 1912.
2. Литовская Метрика. Книга записей 10. – Вильнюс, 1997.
3. Малиновский, И.А. Рада Великого Княжества Литовского в связи с боярской думой древней России / И.А. Малиновский. – Вып. 2. – Томск, 1912.
4. Любавский, М.К. Литовско-русский сейм: опыт по истории учреждения в связи с внутренним строем и внешней жизнью государства / М.К. Любавский. – М., 1900.
5. Литовская Метрика. Книга судных дел 4. – Вильнюс, 1997.
6. Литовская Метрика. Книга записей 11. – Вильнюс, 1997.
7. Доўнар, Т.І. Развіццё асноўных інстытутаў грамадзянскага і крымінальнага права Беларусі ў XV–XVI стагоддзях / Т.І. Доўнар. – Мінск, 2000.
8. Русская историческая библиотека. Т. XX: Литовская метрика. Книги судных дел. – СПб., 1903.
9. Лазутка, С. Первый Литовский Статут (1529 г.) / С. Лазутка, И. Валиконите, Э. Гудавичус. – Вильнюс, 2004.